

В. Ф. Миллер говорит, что язык многих мест в „Сказании“ это язык „московских дьяков“, потому что сходные конструкции и обороты встречаются в деловой переписке, в различных документах XVI—XVII вв.

Но это общий язык эпохи, а не только „московских дьяков“, язык гораздо более широких общественных слоев, чем это утверждает В. Ф. Миллер. В памятнике XVI—начала XVII в. (текст в сб. Барс. 1463 середины XVII в. является копией с более раннего) мы и должны найти язык XVI—XVII вв., а не современный нам язык.

„Сказание“ построено так, как построено большинство известных нам былин: действие начинается в Киеве, откуда выезжают на подвиги богатыри. Потом, совершив подвиг, они возвращаются туда же, и князь их „жалует“ — в записях XIX—XX вв. это „золота казна“, „добры кони“, „города и пригородки“ и т. д., в „Сказании“ — „шубы подасамиты“ (аксамиты), „чепи великие золотые“ и „казна несметная“ (т. е. подарки указаны более конкретно и в соответствии с представлениями XVI—XVII вв. о „жалованье“). „Сказание“ — это первый, самый старый памятник, в котором мы находим совершенно последовательно, буквально так же, как в современных записях былины, построение на диалогической речи с обязательной формулой „говорит... таково слово“, и „взговорят таково слово“. Если бы автор „обрабатывал“ устное произведение в духе книжном, если бы он создавал книжное произведение, то естественно воспользовался бы привычной и обязательной письменной формулой: „и рече“;¹ так именно поступил автор записи или копии былины о Ставре в середине XVII в.²

Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер дают текст „Сказания“ или его отрывки, располагая их стихами. Это возможно именно потому, что перед нами устное произведение с типичным для него параллелизмом построения. В „Сказании“ мы находим очень многие из „общих мест“, хорошо известных нам по записям XIX—XX вв. Седлание коней и вооружение: „учали на них класти седла черкаские || подтягивают подпруги шелку бѣлово || у всѣх пряжи булатные || красного булату перепускнаго || да кладут на себя доспехи крѣпкия || емлютъ с собою палицы булатныя || Того булату перепускнаго и всю свою здбрую богатырскую“ (стр. 6—7).

Похвальба цареградских богатырей:

„хотят кѣвѣь город на шити взяти
великого князя с великою княгинею в полон вести
а удалых богатырей станных людий
под мечь всѣх приклонити
а злато и сребро покатим тельгами“ (стр. 13, 20—21).

Описание внешности Идола Скоропеевича:

„а ростом (велик) добре не по обычею
меж очима у него стрѣла ладится
меж плечми у него болшая сажен
очи у него как чаши
а голова у него какъ пивной котел
посмотрить на него устрашитя“ (стр. 17—18).

¹ Окаменевшая форма аориста „рече“ перед прямой речью, характерная для всех книжных светских произведений и переделок XVII в., постоянно встречается и в повестях XVIII в., например „О российском матросе Василии“, „Александр российский дворянин“ и др.

² См. публикацию А. И. Соболевского в Известиях ОРЯС, СПб., 1911.